

В. В. Баркова, У. В. Сидорова
СТИЛИ ФИЛОСОФСКОГО МЫСЛЕТВОРЧЕСТВА
КАК СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА
В МИРЕ КУЛЬТУРЫ

V. V. Barkova, U. V. Sidorova
STYLES OF PHILOSOPHIC THINKING AS THE WAY
OF EXISTENCE OF A PERSON IN THE WORLD OF CULTURE

Осмысляются процессы становления субъекта философствования, философского мыслетворчества и стилей презентации философского знания.

Ключевые слова: *философствующий разум, философское мыслетворчество, определяющее себя мышление субъекта, стили презентации философского знания.*

The article reflects on the process of formation of the subject of philosophizing, philosophic thinking and styles of philosophic cognition presentation.

Keywords: *philosophic sense, philosophic thinking, defining subject reasoning, styles of philosophic cognition presentation.*

Великий стагирит как-то заметил, что многообразии сущностных форм явлений природы и человеческой бытийности представляют для философии богатейший материал и побуждение к их исследованию. Последнее порождает многообразие философских рефлексий и стилей философского мыслетворчества. Термин «стиль» впервые был употреблен в античной риторике, а затем распространился в искусстве и вплоть до XIX в. использовался исключительно в теории искусства и эстетике. С ростом интереса к философским, культурологическим, историко-типологическим проблемам сфера его употребления стала стремительно расширяться. Под стилями стали понимать совокупность характерных признаков, позволяющих различать, классифицировать, типологизировать способы проявления человеческого самовыражения в той или иной сфере материального или духовного творчества. М. М. Бахтин считал, что за стилем всегда ощущается возможная душа. По его словам стиль работает с ценностями мира и жизни и направлен на формирование и завершение человека и мира. Стиль существует в горизонте границ. «Культура границ — необходимое условие уверенного и глубокого стиля... Уверенное и обоснованное создание и обработка границ, внешних и внутренних, человека и его мира предполагает прочность и обеспеченность позиции... на которой дух может длительно пребывать, владеть всеми силами и свободно действовать». По Шпенглеру, суть любого стиля — не сама форма, а выражение культурных смыслов религиозной, нравственной, социальной жизни. Стиль — это форма видения субъектом деятельности. Следовательно, объяснить стиль — значит связать его с общей историей времени и доказать, что формы говорят своим языком то же самое, что и остальные современные ему голоса.

П. Рикер отмечал, что в процессе осмысления бытия природы и общества, совершенствования способов их познания философствующему субъекту приходится практически всегда переходить к созданию новых стилистических форм философской мыследеятельности, которые были бы способны достойно представлять философское знание. Развертывание философом в тексте — сложное искусство. В философских умозаключениях как бы «заключен» латентный императив, воспринимаемый как некий горизонт предожидания. Предожидание несет в себе значение не само по себе, а лишь в той мере, в какой до него существует высказывающийся субъект, обнаруживающий с помощью высказывания не только собственный способ думать, но и собственную форму жизни. Высказывание используется как не прямое заявление об убеждении, исключая возможность рассматривать его как сообщение о факте. То, что представляется постижением, оказывается скрытым предписанием и схватыванием чего-то существующего, но выступающего, скрытой рекомендацией определенных действий, когда в ответ невозможно выразить ни согласия, ни несогласия, ни сомнения. Специфичность языковых форм в философском мыслетворчестве объясняется тем, что, описывая и осмысляя действительность, субъект размышляет над проблемами, которые не имеют однозначного и неоспоримого решения. Трансцендирующий разум, проникая на сокровенные уровни мироздания с целью найти там «проростки» истины и возможности описания ее, сталкивается с необходимостью расширения параметров существующего философского языка, чтобы более адекватно обозначать новые «предметные поля» и смыслы философствования. Субъект мыслетворчества ощущает, что его представления, понятия и слова, которыми он пользуется в процессе создания философского текста, подчас

не помогают обозначить и описать интуитивно «нашупанные» ответы на выходы из тех или иных проблемных ситуаций. Отсутствие однозначной связи между объектом, смыслом и словом становится в философском мыслетворчестве источником всевозможных герменевтических интерпретаций, то есть рождения новых суждений о том, что было сказано ранее, и тем, что сказано об этом же, но теперь уже по-другому. Возможность интерпретировать смыслы философских высказываний заложена в самом содержательном богатстве «пространственно-временного континуума» философской культуры мышления, в лоне которой созидаются конструкты культурных феноменов, событий, их философское обоснование. В ситуациях иносказания смыслы начинают выступать объяснением понятий, теперь они «распредмечивают сами себя», как итог работы разума, трансцендирующего над мировоззренческими универсалиями культуры. При этом философствующему субъекту необходимо понять, каким образом и в каких направлениях онтологически-событийные, хронотопические различия наступавшего времени переводят, перемещают, переиначивают, переосмысляют устоявшиеся, базовые и «готовые» представления, понятия и «горизонты предожидания» нашего опыта и самой философии? Это необходимо, чтобы разглядеть в новом «разверзании бытия и времени» возможности для мысли и познания, «прочувствовать» содержание переживаемых моментов времени с его «переобращением» и трансформацией так называемых «готовых стилей философских размышлений».

В разнообразии стилей философских мыслетворческих форм и стилей мыслетворчества есть нечто общее. Являясь сложными, открытыми, самоорганизующимися системами, стили философского мыслетворчества реализуют свое бытие как критико-рефлексивные процессы осмысления экзистенциальных состояний бытия человека в мире. Каждый из них несет на себе «печать» индивидуальных языковых коммуникаций (М. Блэк) своих создателей, «следы» темпоральности времени, давшего им возможность «стать на ноги». Презентируя философское мыслетворчество в форме проблемы, преобразуя при помощи языковых форм наличную действительность в проблему, каждый стиль претендует своими конфигурациями значений выставить «напоказ» родовую истину человеческого бытия в мире и «свои» способы ее познания. В этом плане интерес представляет высказывание Дерриды о том, что философское мыслетворчество и способы его презентации рождаются «на границах философии», т. е. «поверх», исторически обретенных межеваний. Это подводит к мысли о том, что стили философского мыслетворчества исторически не развиваются изолированно друг от друга. В пространственно-временном континууме философской гносеологии они образуют диалектически сложную, но целостную вязь концептуальных цепочек переплетения. Непосредственный переход от позитивизма к экзистенциализму, например, без опосредующей роли феноменологии был бы практически невозможен. Но именно только «различение», по оценке Делеза, и становится подлинным началом для новых аспектов философской рефлексии и

способов ее стилизового мыслетворчества. «Предметные поля» философских размышлений в этом случае обозначаются не при констатации наличия, а через обнаружение отсутствия необходимого порядка и его конструктов там, где это философствующий разум ожидал найти. Получается, что не парадигмы, не исследовательские программы, как теоретические идеализации, используемые исключительно на уровне методических удобств, а стили философствования могут претендовать на роль методологических фонарей, ориентирующих мыслетворчество философствующего разума. Стиль философствования не оторван от онтологических оснований человеческой бытийности. Он вбирает «в себя все» и, подобно ленте Мебиуса, у которой нет внешнего и внутреннего, позволяет ощутить и выразить многоликость, многомерность, многовекторность, разнонаправленность и непредсказуемость жизненных сюжетов человеческого бытия и познавательной активности индивидуумов.

Особенности развития постнеклассических форм философского мыслетворчества с его пластами рефлексий, практик миропонимания, «разрывающих» границы между философскими школами и мировоззренческими системами, создали прецедент для разговоров о «кризисе» философского мыслетворчества. Утрате последним «своего собственного»: классических критериев, целей, проблематики и даже субъекта философствования. Акцентуацией релятивности восприятия мира, выражением которой становится принцип «онтологической относительности» Куайна, порождает ощущение логической ненадежности и недостоверности в объяснении и комментировании тех или иных мировоззренческих ситуаций. Д. Кошут расценил это как угрозу вырождения философского мыслетворчества в разновидность литературной практики в стиле авангарда или постмодерна. Ж. Келле писал, что постнеклассический философский «конструктивизм» формирует тип мировоззрения, который, «надстраиваясь» над матричными основами философского знания, подменяет все существующие философские направления и системы, разворачивая философскую логику не на определение проблемы «что такое познание», а на вопрос, какую практическую ценность оно представляет лично для человека. Последнее делает подобные «творческие искания» несовместимыми не только с какой-то конкретной системой философских взглядов (что допустимо), но со всей историей философии в целом. «Авангардные» стили философского мыслетворчества никогда не противоречили традициям гуманитарной, в том числе и философской, мысли, которые долгие века двигались «вперед планеты всей», задавая вектор и смысл его исторического развития. Философское мыслетворчество при этом служило «опережающим зеркалом» миропознания и миропреобразования. Разнообразные способы и стили философского мыслетворчества всегда были востребованы, поскольку язык, являясь особым персонажем культуры и существуя в ее многообразных и неповторимых исторических контекстах, способен опосредовать, впитывать в себя все оттенки человеческого опыта, в том числе и философского, и

«овнешнивать» его. Почему же современные языковые формы презентации философского мыслетворчества вызывают в основном негативные эмоции и оценки? Во-первых, они бескомпромиссно поставили вопрос о том, может ли философское мыслетворчество претендовать на роль научного знания? Большинство современных авторов, рассматривая его как интеллектуально-духовный способ миропознания и освоения действительности, полагают, что философское мыслетворчество не способно быть наукой в точном смысле этого термина — в смысле science. Со времен Р. Декарта, утверждавшего, что целью философствования не является поиск смыслов человеческого бытия, а только естественно-научное познание, философская мысль увлеклась развитием наукообразного стиля мышления. Рационализацией познавательной деятельности во всех ее ипостасях, логикой доказательств, созданием «жестких» конструкций миробытия и человека в нем. Классическая философская традиция, по мнению Р. М. Алейник, Л. А. Марковой, Е. А. Механиковой, «предала забвению» изучение смыслополагающих аспектов нравственной стороны деятельности сознания. По словам Р. Сафрански, только современные стили философского мыслетворчества сумели «развернуть» человека к его душе, его сомнениям, самопознанию «себя самого в себе самом», побуждая его, тем самым, всматриваться в реальное бытие, открывать его для себя, других, мира в целом. Получать возможность наслаждаться феноменом своего присутствия в нем. Это напряженный гуманизм — гуманизм «без прикрас», но он наводит мосты над безднами смыслов. Взламывая повседневность, открывает ее тайны и новые горизонты в индивидуальном бытии каждого человека. Во-вторых, языковые формы классических философов, сформировавшись под влиянием научной модели о сущем, превратились со временем в «застывшую языковую картину мира». «Не помня» своего первого дня творения», они оказались неспособными озвучивать современные тенденции философских размышлений о кризисных модусах человеческого бытия. Правила употреблять понятия жестко «упакованными», подчиняющимися только логике экономного теоретического разговора, создали невозможность за парадом философских мыслетворческих замечаний замечать внутренние нити между категориями, связь их с жизненными проблемами реальных людей. Устав от отвлеченности классического метаязыка, философствующий разум и порожденные им современные стили философского мыслетворчества, стали освобождаться от безжизненных семиотических концептов. Искать иные языковые формы смысловыражения, иные философы, в которых не потеряны адекватные связи между образом мира и истолкованием этого образа в языке, в слове и его смыслах, как это уже сделали в своем творчестве С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Бергсон, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Г. Марсель и т. д. С. Кьеркегор писал, что экзистенциальная установка в философском осмыслении реальностей бытия с необходимостью ведет к требованию художественного языка мысли, которая ее воплощает. Искусство здесь не может быть «снято» не только как культурная форма, но

и как внутреннее измерение самой философской мыследеятельности. «Встать» над искусством объективная логика понятий не в состоянии даже внутри самого мышления. Делез, по-видимому, предчувствуя скорый отказ от всепоглощающих тенденций классических языковых средств философского мыслетворчества, отмечал, что придет время, когда писать философские книги так, как это делалось издавна, будет невозможно.

Следует отметить, что философствующий разум, начиная с античной эпохи, для усиления глубины презентации философского познания постоянно вводил новые семантические поля с помощью новых слов или наполняя новым смыслом старые: «идея» у Платона, «бытие» у Парменида, «вещь-в-себе» у И. Канта, «диалектика» и «снятие» у Г. В. Ф. Гегеля, «позитивизм» у О. Конта, «сверхчеловек» у Ф. Ницше, «интенциональность» у Э. Гуссерля, «difference» у Ж. Дерриды и т. д. Словообразование, терминология всегда и во все времена играют важную роль в философском мыслетворчестве. Они освобождают мысль из плена повседневного языка и предрассудков его употребления здравым смыслом. Философски мыслить — это значит заново создавать язык, «поперечный» житейскому языку, критически очищенный от «захватанных значений», клише, автоматизмов сознания. Слово, понятие, введенные в языковой оборот философской мысли, становятся упаковкой смысла, наилучшим хранителем той многообразной информации, которая рассыпана в сочинениях того или иного мыслителя. Ж. Делез и Ф. Гваттари рассуждая об особенностях философского языка, синтезе в нем новых концептов и понятий, отмечали, что философские концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать, творить, и без подписи со-творившего они ничто. Проходя через множество ступеней доказательства, теоретических построений, они становятся печатью бессмертия своего автора, нестирающимся следом его пребывания на философском Олимпе. Конечно, новые понятия, интегрируя принципиально иные системы мышления, конденсируют в себе радикальные сдвиги в понимании и описании реальности природного и социального бытия, «подвигают» практику философствования в любые эпохи к «переопределению» роли сложившихся критериев «философичности»: его цели, проблематики, предмета философского мыслетворчества и даже главного инструмента — абстрактной мысли.

Признав вслед за В. Г. Ф. Гегелем мысль о том, что философское мыслетворчество является мировоззренческим зеркалом проходящих чередой эпох, следует принять во внимание процесс приращения философских знаний, как результат «распредмечивания» и «опредмечивания» как мировых культурных ценностей, так и изменение приоритетов, дающих возможность развивать иные способы прочтения мира, лишенным предрассудка всеислия, разумом. Поэтому за рассуждениями о «конце» философии, «письмах в развалинах» нужно увидеть образное выражение потребности пересмотра тех теоретических очевидностей, которые, оформляя наше сознание,

отдалили нас от реальности, оставив бытие в прогрессирующем забвении. Вопрос же заключается в ином: где та грань, за которой эти изменения не будут способствовать разрушению «тела и духа» философии как социокультурного феномена, в котором осуществляют свое личностное развитие философствующие субъекты? Исторически взаимоотношения между стилями философского мыслетворчества, презентующих сосуществующие в едином целом мировоззренческие концепты, всегда осуществлялись в диалектическом единстве и диалогическом конструктивизме. С нашей точки зрения, противостояния между ними способны возникнуть лишь при условии, когда намечается отказ от полноты параметров образа обсуждаемой темы за «границами» которой начинается хаос точек презрения к реальности, презрения такой же силы, с какой каждый стиль способен претендовать на единственность и заявлять власть о своей единственности. Власть своей точки зрения.

Хайдеггер отмечал, что при любых обстоятельствах своего «производства», субъектах развития, стилях мыслевыражения философия продолжает оставаться уникальной гранью жизни человечества.

Став гранью жизни человечества, его духовными скрижалями, философское мыслетворчество превратилось в никем и ничем не заменимый способ вопрошания человека к миру, открывающемуся ему в переживаниях бытийного и познавательного опыта сознания. В. Д. Губин писал, что создавая в себе душевным напряжением подлинное переживание бытия, философствующий субъект напряженно вглядывается в сущность внутренне данного содержания переживаний. При этом он осуществляет своеобразное «установление» пережитого с той соразмерностью, которая открывается ему в бытии и которая побуждает сказать об этом другим. Жажда диалога, желание быть услышанным и дополненным другими, выводят его мыследеятельность за пределы субъективного самоистолкования им опыта трансцендирования над собственным сознанием. Превращают акт индивидуального философствования во встречу уникального и всеобщего, индивидуального и особенного, открывая тем самым для самой философии возможность быть, а философствующему субъекту возможность духовно саморазвиваться.

Поступила в редакцию 11 июля 2012 г.

БАРКОВА Валентина Васильевна, профессор, доцент кафедры философии и социологии, Южно-Уральский государственный университет. В 1984 году защитила диссертацию по теме: «Культура в сфере услуг». Научные интересы: проблемы естественно-научного познания, язык философии. E-mail: phil@susu.ac.ru

BARKOVA Valentina Vasilievna, professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology of South Ural State University. In 1984 she defended a thesis "Culture in the Sphere of Services". Research interests: problems of natural scientific cognition, language of philosophy. E-mail: phil@susu.ac.ru

СИДОРОВА Ульяна Владимировна, старший преподаватель кафедры философии и социологии, Южно-Уральский государственный университет. В 2002 г. окончила философский факультет УрГУ (г. Екатеринбург) по специальности «онтология и теория познания». В настоящее время обучается в заочной аспирантуре УрГУ. Сфера научных интересов: онтология и теория познания. E-mail: suvlad_11@mail.ru

SIDOROVA Uliana Vladimirovna, senior lecturer of the Department of Philosophy and Sociology of South Ural state University. In 2002 she graduated from the Faculty of Philosophy of the Ural State University (Yekaterinburg) in the field of study Ontology and Gnoseology. Now she is a part-time postgraduate student of the Ural State University. Research interests: ontology and gnoseology. E-mail: suvlad_11@mail.ru